

На обратном пути домой после репетиции танцев Тан Цин проходил мимо цветочного магазина. Его взгляд привлек букет из белых пионов и тюльпанов, украшенный серебристой цинерарией; композиция из цветов выглядела элегантно и утонченно. Он купил букет и принес его домой. Как только он зашел, к нему радостно подбежала девочка и сообщила:— Гэ, я закончила все домашнее задание по китайскому!

— Молодец, — Тан Цин снял и повесил куртку, — А по другим предметам?

Тан Сяо замолчала, отведя взгляд в сторону.

— Почему делаешь вид, что не слышишь? — снова спросил Тан Цин. — Остальные тоже сделала?

— Не порть настроение. В прошлый раз ты обещал награду за китайский! — Тан Сяо умоляюще захлопала ресницами, стараясь показаться особенно милой, — Ты принес автограф Лянь-гэ?

— Подожди, — Тан Цин сначала зашел в спальню и спрятал дюжину фотографий в ящик, оставив в руках только карточку с подписью. Вернувшись, он протянул ее Тан Сяо. — Он был очень рад узнать, что у него есть такая фанатка.

Тан Сяо взяла автограф и заметила, что в левом верхнем углу Чжу Ляньчжэнь даже подписал «Для Тан Сяо». Она была так тронута, что притворно всхлипнула, горячо поблагодарив Тан Цина за помощь в исполнении мечты.

В гостиной Тан Цин молот кофеинные зерна, аромат которых быстро наполнил всю квартиру. Тан Сяо не любила горький вкус кофе, но ей нравилось наблюдать за тем, как брат методично готовит напиток. В целом в последнее время она все чаще за ним наблюдала.

В отличие от образа на экране — всегда с идеальной улыбкой и красноречивого — настоящий Тан Цин был немногословен и редко шутил. Однако, в одном он соответствовал своему публичному имиджу: он действительно был трудоголиком. Пока его глаза не слипались ото сна, он работал. Однажды ночью Тан Сяо проголодалась и тайком заказала себе ночной перекус, но когда она вышла из комнаты за заказом, она с удивлением увидела, что Тан Цин все еще сидит с чашкой кофе и читает сценарий. Он совершенно не выглядел усталым, а к семи утра бодро отправился на мероприятие. Во время отпуска Тан Сяо ни разу не видела, чтобы он занимался чем-то особенным для отдыха. Он предпочитал тихие занятия — собирать пазлы, читать книги, смотреть фильмы, ухаживать за комнатными растениями... или он уединялся в кабинете, рассматривая какие-то странные металлические предметы, предназначение которых она не понимала. Иногда он проверял ее успехи в выполнении домашнего задания на зимние каникулы, чтобы Тан Сяо не откладывала все на последний момент. В общем, жизнь с ним была спокойной. Изначально Тан Сяо думала, что при таком уровне дохода Тан Цин будет жить в роскоши, но на деле оказалось, что его потребности были минимальны, он покупал только самое необходимое.

— Скоро начнется закрытая репетиция по танцам, — сказал Тан Цин, — так что у меня не будет времени отвезти тебя обратно в Пекин. Пожалуйста, не забудь сама заранее купить билет на скоростной поезд.

— Хорошо, — Тан Сяо изначально хотела пригласить брата к себе домой на обед, когда у него появится время, но, учитывая, что Тан Цин и их отец не общались уже двадцать лет, встреча могла бы быть слишком неловкой для обоих, поэтому она решила отказаться от этой идеи.

Когда-то давно Тан Сяо очень удивилась, узнав, что у нее есть сводный брат. В детстве она обожала рыться в ящиках в поисках «сокровищ», и так однажды она наткнулась на старый деревянный ящик, в котором лежал толстый фотоальбом: внутри были фотографии ее отца с маленьким мальчиком. В то время ее отец выглядел совсем молодо, а мальчик на его руках был утонченным и милым. Из любопытства Тан Сяо пошла расспросить мать – тогда она и узнала, что ее отец был разведен. Ребенком Тан Сяо не до конца понимала, что такое «развод». Она просто радовалась, что у нее есть брат — ведь ей всегда хотелось иметь кого-то рядом для игр, но когда она спросила, может ли брат переехать жить к ним, отец лишь мягко поменял тему.

Однажды Тан Сяо случайно подслушала разговор родителей: из обрывков фраз она поняла, что бывшая жена отца умерла, а оставшийся мальчик еще учился в старшей школе и рядом не было ни одного взрослого, кто мог бы о нем позаботиться. Наверное, у ее отца были свои причины не вмешиваться лично, вместо этого он попросил друга помочь с похоронами и прочими делами. Тан Сяо долго упрашивала родителей, и в конце концов отец позволил ей встретиться с братом один раз, но позже Тан Сяо поняла, что отец, скорее всего, просто хотел, чтобы она проверила, как там Тан Цин.

Поскольку на тот момент они были совершенно незнакомы, при встрече почти не разговаривали. Больше всего Тан Сяо запомнила, что ее брат выглядел вживую еще красивее, чем на фотографиях, и что он был очень высоким. Когда он обращался к ней, то приседал на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ее глазами. Перед тем как попрощаться, он подарил ей большой пакет с вкусняшками. К счастью, тогда Тан Сяо догадалась попросить у брата номер телефона, и после этого они время от времени поддерживали связь. Тан Цин попросил ее никому не рассказывать об их родстве, чтобы это не повлияло на репутацию их отца в индустрии развлечений, поэтому, даже когда Асемон дебютировали и потрясли всю страну, Тан Сяо сдерживалась и не хвасталась этим перед подругами.

Хотя недавно она чуть не проговорилась. Она хотела сделать брату приятный сюрприз на день рождения, но ее случайно сфотографировали папарацци, и это быстро превратилось в слухи о романе. Хорошо что вмешалась компания, хотя им было очень неудобно давать официальные объяснения. После, в школе многие, сопоставив ее фамилию и семейные обстоятельства, догадались, что на фото была именно она. К счастью, они были не похожи друг на друга – оба унаследовали черты своих матерей. У Тан Цина были выразительные черты лица с некой роскошной привлекательностью, тогда как Тан Сяо излучала жизнерадостность, ее глаза весело сияли, а улыбка была заразительной.

После того как Тан Цин допил кофе, он остался в кабинете. Только к ужину он вышел, зацепив одним пальцем черный пластиковый пакет и сказав Тан Сяо: — Я забыл поставить рис на пару. Схожу куплю две порции в ресторане внизу.

— Я сама схожу. Если тебя узнают, будет куча хлопот, — Тан Сяо выхватила у него из рук пакет, — У тебя еще мусор есть? Я тоже выброшу.

На улице уже стемнело, а на обочинах дороги все еще лежали куски нерастаявшего льда. Тан Сяо остановилась перед четырьмя разноцветными контейнерами для сортировки мусора, совершенно растерявшись. Она опустила взгляд и начала лихорадочно искать правила сортировки в телефоне. После того как выбросила пищевые отходы и перерабатываемые материалы, остался один пакет — тот самый, который Тан Цин принес из кабинета. Она открыла его, чтобы проверить содержимое: обрывки бумаги, ржавые лезвия канцелярского ножа, блестки и... пластилин? Тан Сяо залезла рукой и достала кусочек. Он был сухим и мягким, не совсем как обычный пластилин. Она на мгновение задумалась, а потом поняла —

скорее всего, это был самозастывающий пластилин, раньше она с таким играла. Тан Цин слепил из него четырехконечную звезду ярко-желтого цвета с немного выпуклым центром. Выглядела она, на самом деле, довольно мило.

Ужин состоял из двух блюд и супа — внешне простых, но по вкусу вполне соответствующих уровню дорогого ресторана. Тан Сяо подумала, что брат научился готовить у своей матери, но, осторожно расспросив, узнала, что он всему научился сам.

— Она часто задерживалась на работе и приходила домой уставшая, поэтому после школы я готовил ужин для нас двоих, — сказал Тан Цин, — Потом у нее начались проблемы с горлом, и ей пришлось лечь в больницу на операцию. Как раз тогда у меня были каникулы, и каждый день я пробовал готовить что-то новое и приносил ей.

Тан Сяо знала, что мать Тан Цина умерла от болезни, поэтому не стала расспрашивать дальше, чтобы не портить атмосферу за ужином, и быстро сменила тему.

После ужина Тан Сяо задумчиво листала Вэйбо, где она внезапно наткнулась на видео, выложенное одним из фанатов Чжу Ляньчжэня. Подпись была короткой: "Ребенок с синдромом восьмиклассника". Видео было размытым, явно снятым много лет назад: это были закулисные кадры. Чжу Ляньчжэнь выглядел лет на тринадцать-четырнадцать, в свободной одежде он лениво ел снеки в комнате отдыха. Когда к нему подошел репортер и поприветствовал его, тот, пытаясь выглядеть круто, ответил коротким "Йо". Репортер спросил:

— Что ты думаешь о том, что лидер стоит в центре?

— Это здорово.

— Всем нравится быть в центре внимания, — поддразнил его репортер, — Почему бы тебе тоже не попробовать?

Чжу Ляньчжэнь приподнял бровь, в его глазах мелькнула тень самоуверенности:

— Если бы я стоял в центре, остальные выглядели бы как мои запасные танцоры.

— Уж больно ты самоуверенный, — репортер громко рассмеялся.

Чжу Ляньчжэнь фыркнул:

— Я просто говорю правду. У центра партия даже хуже, чем у основного танцора. Зато у меня есть собственное соло.

В то время он только вступил в период полового созревания, и голос у него еще почти не изменился. Ему также нравилось намеренно говорить на более высоких нотах, из-за чего он звучал, как типичный пытающийся быть популярным подросток, которого так и хочется стукнуть. Но, благодаря естественно привлекательной внешности, его харизма перед камерой только усиливалась, а его заносчивость каким-то образом делала его юношескую прелесть еще заметнее.

Тан Сяо включила видео на громкой связи, и, когда Чжу Ляньчжэнь сказал, что остальные выглядят, как его танцоры на подтанцовке, она услышала, как Тан Цин тихо засмеялся.

Тан Сяо стало немного неловко, и она почувствовала странное чувство ответственности, вроде "фанаты должны отвечать за поступки своих кумиров". Она попыталась утешить брата:

— Вы все очень классно танцевали. Я никогда не видела никого лучше..., — но договорить похвалу она не успела — Тан Цин перебил ее:

— Он бы и сейчас сказал то же самое.

Тан Цин встал, чтобы убрать посуду, на его губах еще сохранялась легкая улыбка.

Поначалу Тан Сяо растерялась: ее слова поддержки будто прошли мимо ушей брата, а он еще и внезапно вспомнил что-то совершенно постороннее. Но спустя некоторое время она догадалась: "то же самое" — это, вероятно, те самые самоуверенные слова Чжу Ляньчжэня из подросткового возраста.

Помыв посуду, Тан Цин взял купленный днем букет цветов и вернулся в кабинет. Половину стены занимал большой книжный шкаф, который на самом деле был потайной дверью: открыв его, можно было попасть в еще одну комнату. Помещение было квадратным, всего несколько метров в ширину, тускло освещенным теплым светом напольной лампы. У стены стоял алтарь, на котором стояла черно-белая фотография.

При жизни мать Тан Цина очень любила цветы всех видов, поэтому он каждый день покупал новый букет и ставил его перед ее портретом, проводя там немного времени. Он не считал это попыткой погрузиться в воспоминания о возможно лучших временах, а просто хотел помнить о своей матери.

Комната была тесной и замкнутой — обстановка, которая могла бы казаться удушающей для других, но для Тан Цина она была уютной. Под алтарем стоял старый аккордеон — инструмент, на котором Тан Цин часто играл в старших классах. Однако настоящей страсти к музыке он так и не испытал, а после смерти матери больше к нему не прикасался.

Помимо аккордеона, его мать пыталась приобщить его и к занятиям вокалом, надеясь, что он сможет осуществить ее собственную юношескую мечту — научиться хорошо петь. У Тан Цина был неплохой голос и определенные музыкальные способности, но, как и с аккордеоном, особого интереса к этому он не испытывал. Однако отсутствие интереса не мешало ему делать все в лучшем виде. Но, если бы он не следовал планам своей матери, то, возможно, никогда бы так рано не встретил Чжу Ляньчжэня.

Каждые выходные в старших классах школы он исправно ходил на уроки музыки. Однажды утром, сразу после дождя, в воздухе стоял густой запах мокрой земли. Между станцией метро и зданием, где проходили его занятия, была длинная лестница. Подняв голову, Тан Цин увидел мальчишку, который с вершины лестницы на полной скорости скатывался вниз на скейтборде. Судя по росту и форме лица, он был еще школьником — как раз в том возрасте, когда страх почти отсутствует. Другие могли бы не знать, насколько хорошо тот владеет скейтбордом, но, наблюдая за таким рискованным трюком, трудно было не вздрогнуть от страха, причем такого, будто волнуешься о собственной жизни.

Тан Цин невольно остановился на ступеньке, глядя на мальчика: он наблюдал, как тот почти

безупречно съехал по большей части лестницы на скейте, на мгновение забыв о собственном пути. Когда они разминулись, мимо уха Тан Цина пронесся порыв ветра. Он сам не знал, показалось ему или нет, но в тот короткий момент ему почудилось, что их взгляды пересеклись.

Оправившись от замешательства, Тан Цин продолжил подниматься по лестнице, но вдруг за его спиной раздался громкий стук. Обернувшись, он увидел, что мальчик, видимо, неудачно зацепился за ступеньку, и с силой упал на землю. Скейтборд отлетел на несколько метров в сторону. Тан Цин уже собирался подойти и помочь ему подняться, но перед ним развернулась неожиданная сцена.

Стиснув зубы от боли, мальчишка оперся руками о землю, а затем, будто не замечая чужих взглядов, легко перевернулся на месте и, собрав все силы, встал на ноги, слегка пошатываясь. Немного наклонив голову, он сделал вид, что все под контролем, и резким движением ноги нажав на скейтборд, ловко подбросил его в воздух. Все движение прошло в один плавный поток, но выглядело настолько неожиданно и нелепо, что Тан Цин забыл о том, что ему надо было идти дальше.

Только когда мальчик поднял скейтборд и украдкой бросил взгляд в его сторону, Тан Цин понял: тот, должно быть, смутился из-за падения и пытался с помощью танцевальных движений сохранить свое хрупкое достоинство перед незнакомцем. Тан Цин молча отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

После этого каждую неделю Тан Цин каким-то образом снова и снова сталкивался с этим мальчиком. Он не запоминал его лицо, но одного взгляда на его одежду было достаточно, чтобы узнать его. И это была уже не просто «случайная встреча».

Еще до того, как они официально познакомились, они успели пройти мимо друг друга бесчисленное количество раз.

<http://bllate.org/book/14779/1318090>